С приветом по планетам

Н. Тихомиров

**Рассказ выпускника биокласса гимназии 1543
о сборе растений для филогеографических исследований
на самом востоке Европы (2016 год)**

Фото автора
Оформление П. Волковой

Москва – Миасс

13 августа

Последние часы в городе прошли не самым удачным образом: в приёмную комиссию я заехать не смог, по-прежнему остался в осаде университетской бюрократии, да и велосипед сломавшийся жалко... Какое счастье, что я могу обо всём этом с чистой совестью забыть, ибо начинается совершенно другая жизнь!

Я, конечно, ждал, что Полина будет мне что-нибудь кричать, когда увидит на вокзале, например: «О, Тинки-Винки!» или «Здорово, старый хрен!», но её реакция превзошла все ожидания. С приветственными криками (думаю, слова я угадал, как-то не обратил внимания) она так раскрыла свои объятия, что в результате пострадал неудачно подвернувшийся мужик. Потом она не менее громогласно объясняла ему, что обнять она хотела вовсе не его, хотя, думаю, ему показалось, что его как раз хотели просто побить. Но обнять меня, конечно, можно только в мечтах: я, да ещё и с рюкзаком, необъятен.

Последний месяц мы с Полиной находились в независимых богатых событиями и острыми умами средах, и поэтому до самого вечера шёл беспрерывный обмен впечатлениями от наших июльских похождений. Большую часть описания тывинской экспедиции занимали заслуженные, судя по всему, дифирамбы Чумичке; она и работала хорошо, и жизни радовалась. Прекрасные мемы привезла Полина из Тывы, но запомнить их все не было никакой возможности. Однако меня хватило на то, чтобы заметить Полине, когда та решила обустроить свой склад у меня под матрасом, что она «плохо сделала». Дальше постель уже полностью приковала моё внимание, в чтении взятого с собой Шукшина я далеко не продвинулся.

14 августа

Конечно же, на следующий день, едва разомкнув глаза, я увидел Полину, взявшуюся за мою книжку. Значит, надо чем-то себя занять до тех пор, пока она её не прочтёт. Остановок в ближайшее время не предвиделось. Кажется, на улице не сильно прохладнее, чем в вагоне – солнце разошлось, на небе ни облачка.

Просто медитировать настроения не было, так что я худо-бедно занял себя, порвав на квадратики тетрадный листочек и начав складывать из них журавликов. Довольно скоро я перешёл на работу в мелком масштабе, и дальше это уже было не просто занятие для рук, а целый спорт: какого размера выйдет самый мелкий журавлик? На квадратике 3×3 клеточки я остановился, тапирские копытца дальше продвигаться не позволяли. А иголками работать – это уже неспортивно. Свои работы я экспонировал на витрине-лотке из-под огурцов, устроил фотосессию – ни дать ни взять музей журавликов. На мою беду экспозиция та привлекла внимание тёток-соседок по отсеку, и мне пришлось ещё и экскурсии водить, да слушать, какие у меня «ювелирные руки». Потом опять нечего делать стало, и я вёл себя как типичный плацкартный пассажирус – смотрел в окно и отвлекал

Полину от книжки разговорами. Обсудили, например, наши планы, очень нечёткие: туда, сюда заглядываем по обстоятельствам, обратных билетов нету. Для меня все эти планы как кино, как будто это не со мной произойдёт, смотрю на карту с отвлечённым любопытством.

Музей журавликов на витрине-лотке из-под огурцов

После очередной жаркой остановки (Бугульма, кажется) Полина дочитала Шукшина, и роли переменились: теперь уже я «снисходил» до общения с ней, отрываясь от книжки. Она поясняла новые для меня слова, которые я аккуратно выписал в дневник.

В первую экспедицию по Башкирии я отправился этим же вечером, дебютировав на 40-минутной остановке в Уфе со своей звёздной картой и очками, для меня уже слабоватыми. Летние созвездия (вроде Пегаса, Персея) – яркие даже при уфимской засветке, здоровские. Для наблюдений отыскал себе закуток за ремонтным составом, в тени, нервничал, когда меня от наших путей отгораживали проезжающие товарняки. А в Миассе-то как звёзды видно будет!.. Главное, Треугольник, Треугольник такой классный, прямо треугольный! А я думал, что и не увижу его.

Глубокое и священное озеро Аушкуль

15 августа

Вскочил рано, 6 часов проспавши, но спать больше совсем не хотелось, и утро я провёл без суетных сборов, успел в Златоусте 40 минут погулять. Свежо, хорошо, но небо ясное, чувствуется, что днём солнышко своё возьмёт.

В Миассе сразу загрузились в такси, поехали в то, что на топокарте называется Яльчигулово (это к западу от озера Аушкуль, глубокого и священного), кинули рюкзаки в месте будущего лагеря в лесочке у ручья и пошли за солнцецветом. Первое место на восточном берегу озера обшарили самым тщательным образом (ах, какой чабрец, прямо как в Крыму!), не обнаружив того, что искали (то есть солнцецвета башкирского), пошли остужать свой пыл, да не в какой-нибудь безымянной реке, а в знаменитом, глубоком и священном озере Аушкуль, берег которого оказался настоящей помойкой. Цвет озера, изобиловавшего гусями (на них даже приходилось порой применять технику запугивания собак), лучше всего подходивший под определение «голубовато-зелёный», мы решили ради общего спокойствия списать на минералы. С тем и пошли дальше, к «известняковым увалам» к югу от озера. На одном из них, особенно живописном и скалистом, Полине явился-таки цветущий солнцецвет (мне тоже явилась какая-то задохлая солнцецветская коробочка, и радостную весть я встречал, лёжа напротив неё и открыв рот). Коробочками здешний солнцецвет вообще не блистал, но кое-каких семян мы в конце концов набрали, и фотосессию устроили, и цветущих товарищей в гербарий собрали – словом, удальцы и молодцы.

Озеро Аушкуль: цвет воды ради общего спокойствия спишем на минералы

Время ещё оставалось, поэтому пошли посмотреть на ключ, настолько, по-видимому, стратегически важный, что его даже подписали на карте – «КЛ». От самого ключа нас отвадила было совсем уж не по-людски, с подрыкиванием-подвыванием лаявшая невидимая собака, но мой внутренний школьник, желавший ПИТЬ, пересилил страх, и я решил-таки пойти туда, где на карте было написано «КЛ», оставив Полину на холмике. Вместо «КЛ» там была самая настоящая «Б» – бобровина, она не возбуждала даже моего внутреннего школьника. Зато в этом «Б» был ещё и батрахиум, и я использовал свое там присутствие в научных целях. Конечно, Полина была против всех этих игр с собаками, но прекрасный букет из пяти цветков водяного лютика, взятых от разных корневищ, смягчил её недовольство.

У лагеря нашлось прекрасное купальное место, оборудованное боброгенным мини-водопадом с пузырьками, скамейкой и прочими благами вроде

каменистого дна. Всё-таки где-то и от бобров есть польза – вот здесь. Купальня эта вдохнула в меня жизнь, и я мог снова чувствовать себя человеком.

16 августа

План на следующий день был прост и ясен: сначала – кубышка на озере Карагайкуль, потом – развлекательный поход на хребет Нурали. Ну, как водится, с заинтересованностями различного рода в промежутках. С одной из таких заинтересованностей мы собрали первое за день растение – это был рдестик в грязном озерке у деревни Шарипово. В это озеро, как и в Аушкуль, ощутимый вклад внесли гуси, но столкновений с ними не произошло: неприятель просто сделал вид, что нас не существует. Может быть, они почувствовали, что я закалён в битвах.

Озеро Карагайкуль: кувшинки сколько угодно, а кубышки нет

Нам, в свою очередь, пришлось пару часов спустя делать вид, что не существует кубышки на Карагайкуле. Мы до сих пор делаем такой вид и обосновываем это тем, что обошли в её поисках весь берег, а я местами и обплыл. Кувшинки сколько угодно, а кубышки нет. Ну, мы и пошли на Нурали, по пути пообедав у микроручейка. Мой внутренний школьник при его виде чуть не сделал всё, чтобы стать козлёночком, однако, собрав остатки благоразумия, понаблюдал за Полиной и остановился.

Хребет, несмотря на жаркую погоду и отсутствие обещанного Генштабом ключа, поднял мне настроение. Он был красив и сам по себе (лысые горы высоко поднимались над местностью, что обеспечивало панорамный обзор), а вдобавок место это памятно и моему отцу – здесь проходит часть летней практики третьекурсников геофака МГУ. То-то он удивится! Он и меня сюда один раз брал (Полина ещё ворчала, что я после этого не запомнил местной географии).

Хребет Нурали: красив сам по себе и памятен моему отцу

Улучшение настроения подкрепила пришедшая прохлада, песни, кисель, купание, чай с ядрёной мятой и прочие элементы вечернего блаженства после трудового дня.

Коелгинское месторождение белого мрамора

17 августа

Не зря вчера вечером за связью в деревню ходил – в 10:00 таксист Сергей, которому мы давеча так «понравились», был в Яльчигулово. Мой внутренний школьник к тому времени успел освоиться с местным колодцем, а я – переглянуться с турником и брусьями. Поехали мы, значит, на Сергее в деревню Попово, что у Варламовки, к востоку час езды. Несмотря на завидное состояние тела и духа, в машине я, как водится, клевал носом. Не помогало даже относительно бодрое «туц-туц» из приёмника, сопровождавшееся волнующими текстами вроде «Разыгралась музычка на поле чудес, // Я танцую в блузочке, а могу и без…»

Дальше стало не до сна: Полина рассчиталась с водителем (когда она это успевает делать – уму непостижимо), и мы пошли в сторону Коелги. Это Полина с высадкой в Попово хорошо придумала: по самому жаркому времени мы идём через лес. Да через какой – сосна-берёза с подлеском из настоящей спелой вишни! Я не удержался и, пока Полина этот самый подлесок объедала, набрал чуть-чуть вишенок на заварить. И действительно, на обеде, проходившем уже среди полей, у озерка на подходе к ручью Сметанка (нашли мы это озерко только усилиями моего внутреннего школьника), из вишни и мяты мы сделали узвар. Он,

как настоялся чуток, приобрёл прямо-таки вишнёвый цвет и вкус, да и ягодки-костянки мы тоже оттуда с удовольствием повыедали.

Сосновый лес с подлеском из настоящей спелой вишни

Не желая воевать с «круглыми красными пузырьками», отдыхавшими на реке Увельке, решили просто подождать, пока те уйдут, а сами кинули рюкзаки в первые же кусты неподалёку от речки и пошли на наш карьер за солнцецветом. Переплывать речку с вещмешками, к счастью, не пришлось: вода была мне аккурат по шею.

Хоть петицию подавай: охвостья солнцецвета на фоне мраморных глыб

За 10 лет, прошедшие с момента выпуска местной Красной книги, из которой Полина и узнала про эту популяцию, мраморный карьер разросся и подобрал под себя почти весь солнцецвет, однако кое-какие охвостья мы всё же нашли. Я расстарался с фотосессией, наснимал их на фоне здоровых мраморных глыб. Хоть сейчас петицию подавай.

С лагерем проблем не возникло, чуть-чуть пройдя вниз по течению, нашли в районе устья Сметанки прекрасные три берёзы, в некоторой степени изолировавшие нас от «пузырьков» и от дороги. Место – как сцена в театре: близко – деревья – декорации, далеко – фон-поле. И место для палатки прекрасное. Лепота!

Вечером, как водится, выглянули звёзды. Полина мечтала наблюдать их, лёжа в траве, но после всех своих научных запихиваний растений в силикагель, кажется, хотела скорее спать. Она утверждает, что это всё хмель, который я добавил в чай; я, правда, ощутил только его горький вкус. Честно говоря, наблюдать звёзды из травы вышло бы всё равно так себе: услышав Полинину идею, я, конечно, попробовал, но мне постоянно хотелось встать и заглянуть туда, где всё закрывает трава.

Метели, или «липа-пихта»

18 августа

Проснулись в 7:30, собрались (я ещё и искупаться успел, благо наше прекрасное место располагало такой опцией) – и тронулись в большое путешествие до деревни Метели, северной границы ареала солнцецвета башкирского (собственно, почти все известные популяции этого вида мы и посетили), через Челябинск. В 9:00 вышли на дорогу к Красногорску – и почти сразу нас подобрал УАЗик. К мужикам, его населявшим, прилагались различные рации, калькуляторы и чертежи, Полина предположила, что это какие-то сельхозинспектора. Мы пронеслись с нехилой скоростью по полям и к 9:45 преодолели полпути до Красногорского, будучи вынуждены совершить пересадку в деревне Михири. Там, пока Полина для проформы искала на берегу Увельки солнцецвет, я (какое важное дело она мне доверила!) застопил мужиков, которые помогли нам преодолеть остаток пути. Они бы, может, провезли бы нас и дальше в сторону Челябинска, но исчезли на неопределённый срок в шиномонтаже, и мы, поскольку в черте города поймать машину сложно, почли за лучшее накупить себе кефира и пряников-гаргантюа и с ними в обнимку уехать в Челябинск на автобусе.

Челябинский вокзал покруче любого аэропорта. Сразу вспоминается Адлер; не иначе, и тут скоро олимпиаду какую-нибудь проведут. Величие сортира соответствует величию вокзала, половину даже за ненадобностью огородили. Единственный выпадающий из общей люксовой картины элемент – квас: мне продали какое-то аспартамо-ацесульфамное пойло «из ногосусла» (конечно, буквы «квас» там тоже где-то были, но в силу неудачного дизайна этикетки не читались совершенно). Я этот квас допить не смог, а Полина отказалась.

В поезде (мы взяли билеты до Усть-Катава, но вышли раньше, в Сулее, поскольку вообще плохо представляли, как лучше ехать) меня терроризировал пьяный сварщик, ехавший домой в Оренбург с вахты в Якутии, где он провёл уже чёрт знает сколько и теперь, что называется, отдыхал. Я воевал с ним, как мог (то есть никак), Полина, закрывшись в уголке своей Устиновой, помирала со смеху. Сварщик этот, конечно, потом и к ней начал приставать, но она с ним быстро разделалась, в результате чего тот утих и ушёл в другой вагон. Этим товарищем она потом меня пугала Бог знает сколько, он проходил у нас под рабочим именем «мой лучший друг».

Такси мы взяли прямо с вокзала Сулеи (я быстренько нашёл номерок, выпросил у продавщицы в магазине на станции) и до Метелей, благо цена вышла приемлемая. Этот мужик тоже скорость развивал приличную, прямо скажем, нёсся на своей «Ладе» по ночной трассе по холмам как ошпаренный, обгоняя всех и вся через одну, две, сто сплошных. Бояться довольно быстро надоело, к тому же нашлось зрелище получше: в панорамную крышу, коей служило заднее стекло, я, запрокинув голову, наблюдал звёзды. Те же, что и раньше: Альтаир, Денеб, Вега… Разве что Геркулес супротив обычного спрятался, полная луна засвечивала всё со страшной силой.

В Метелях вышли, миновав на машине целую кучу шедших в одну сторону (хорошо, что в противоположную) гоповатового вида компаний, и быстренько почесали от всей этой цивилизации в лес через гору Птичью. Сойдя потом с дороги (Полина присмотрела нам на карте уютную ложбинку), попали в ельник с подлеском из пихты, вяза и прочей шушеры. Я на всё это дело внимания, как водится, без приказа не обращал, ориентируясь в познании флористического состава территории на Полинино утверждение о том, что «букет для Шанцера» (ему для филогении нужны образцы черёмухи, вяза, липы и т.д. из разных мест) она может собрать прямо тут. Она очень смешно командовала мне, куда идти по компасу. Мне пришла в голову идея нарисовать розу румбов с подписями вроде «Север, прям север» для севера и (моё любимое) «Запад, но с небольшим уклоном на север, но только не на юг; северо-запад будет вообще идеально» для северо-запада.

«Уютная ложбинка» наша оказалась в XXI веке обочиной какой-то здоровой песчаной дороги, но нам было уже всё равно – палатка стоит, и отлично. Утро вечера мудренее.

19 августа

Свет, пролитый на окружающую действительность, подтвердил нашу догадку о том, что к нынешнему времени всё тут зацивилено. Оно, в общем, и понятно – влево по реке вообще Метели в прямой видимости. А прямо между нами и рекой рыбачит какой-то мужик. Ну, мы рюкзаки припрятали, поспрашивали этого мужика про местную географию и логистику и пошли на близкую гору Большой Камень, где и был отмечен наш солнцецвет. Гора, помимо солнцецвета, располагала ещё башмачком, дремликом и живописными скалами. Ни одна из этих деталей не осталась без нашего внимания.

Дальше стали двигаться в сторону мнимого брода через реку Ай у Метелей, прихватив рюкзаки, поскольку целью нашей стала теперь деревня Абдуллино и прочие достопримечательности противоположного берега. Глубина брода оказалась в самом стрёмном его месте по пояс, так что перебродили реку мы в формате купания стоя и с рюкзаками на плечах. В этом самом месте с течением Полина чуть не отправилась прямым курсом в Метели, но я её героически спас, схватив за руку, и всё обошлось.

Скала Большой Камень на берегу реки Ай: располагает солнцецветом и прочим

Пройдя вверх по реке почти до Абдуллино и надрав по пути водных составляющих «букета для Шанцера», полезли вверх, чтобы попасть в Варгатский лог и встать там более недосягаемым по сравнению с прежним местом лагерем. Вроде и не Кавказ, но склоны крутые встречаются, чувствуется, что Коелга с её бесконечными полями уже где-то далеко. В логе всё было прекрасно, кроме водопровода – постояльцам предлагалось лизать камни, так что мы спустились к реке Ай в районе Верхнекрылатовского острова, и там уже прекрасно было решительно всё, а вода в протоке была просто ледяной, может быть, из-за подводных ключей. Я по случаю такого купального места даже принарядился. Вечером нас окружила вечерняя жизнь, ночью – ночная. Вечные шорохи, плюхи, скрипы. И коровы на другом берегу весь вечер тусили – мычали и звенели.

20 августа

Этот день был оставлен Полиной как запасной (поезд из Кунгура в Киров ночью 21-22 августа), и мы провели его в попытке сходить поглазеть на лес из пихты и

липы, что в районе ручья Малгия. На скальную стенку у лагеря, естественно, лезть не стали, поднялись ближе к вчерашнему логу. Дорог, преимущественно лесовозных, оказалось много, явно больше, чем на карте. Сначала они были (ближе к деревням) широкие, ровные и очень пыльные, потом стали теряться в зарастающих вырубках.

Купальное место у Верхнекрылатовского острова: ради него я даже принарядился

В какой-то такой момент мы и встретили медведя. Ну как медведя: ручаться за это я со своим зреньицем не могу, но ломился и фыркнул-рявкнул он вполне убедительно. Ни к нам, ни от нас он не торопился, поэтому мы выбрали себе по дереву и с них стали кричать ему, что видеть его не хотим и чтоб он убирался. Дальше, когда мы ходили, я уже не расставался с «набором мальчиша-плохиша» (Полининими миской и кружкой то есть) и периодически применял его при ходьбе, путём соударения составляющих частей набора извлекая предупреждающий медведей о нашем присутствии звук. Привык так делать я очень быстро, как будто всю жизнь только так и ходил.

Свалившись в ручей Большая Мотовла, обнаружили в нём вместо воды ничего, поэтому наши люксовые роллтоны заливали водой цвета кофе с молоком, добытой из лужи на дороге. Ничего вроде, лесовозятами мы не стали.

В Малгию решили не идти, благо лес липо-пихтовый уже увидели по пути (натурально, липа и пихта, правда, ещё вязы и клёны были). К северу от командной высоты 493,3 м (во куда забрались!) вышли на дорогу и пошли по ней в

сторону Абдуллино, чтобы от него прийти домой. По пути внезапно, от лицезрения нескольких упавших листиков, на меня накатило осознание приближения осени, и осень, почувствовав это, ближе к подножию горок на нашем пути завалила дорогу листьями по-настоящему. Скоро, скоро буду я прогуливать первосентябрьские церемонии!

К Абдуллино шли по полям, и послеобеденное солнце напомнило, что раньше-то мы в лесу были, а теперь-то нет. Так что, несмотря на то, что в Абдуллине одна тётушка дала нам ковшик колодезной воды, купание в ледяной реке у лагеря было очень уместно.

Кунгур

21 августа

День наш начался рано (в 7:00, если быть точным). До Абдуллино добрались в момент и без напряга благодаря разведанной нами вчера дороге, идущей от деревни сразу в долину реки Ай, где к ней легко можно подойти от нашего лагеря. Женщина, проезжавшая мимо нас на машине, когда мы шли по деревне, сама вызвалась довезти нас до трассы (очевидно, дело в наших рюкзаках). Эти же самые рюкзаки привлекли внимание и следующих наших попутчиков, довёзших нас до Красноуфимска. Мол, с ними мы похожи на их сына-автостопщика. Они нам расхваливали Кунгур, дескать, старый город с красивыми церквями.

Дальше мы доехали до Ачита на маршрутке, водитель которой называл Екатеринбург Бургом, там со стопом пошло потуже. Мне надоедало то сидеть, то махать рукой, поэтому мы с Полиной периодически менялись обязанностями. Очень хотелось петь, но поющим я бы выглядел для водителей странно, поэтому я упражнялся в чревовещании (вряд ли очень успешно). Однако всё-таки нас подвозили: полпути до Кунгура Полина развлекала очередных товарищей очередным рассказом про «растения тут собираем», полпути развлекать следующего мужика должен был я (коли уж сел на переднее сиденье), но я всё испортил и уснул, и отдуваться пришлось Полине. Хорошо, мужик добрый оказался, даже довёз нас прямо до вокзала, и уже в 3 часа с хвостиком мы были свободны как ветер и набиты творогом со сгущёнкой как хрюшки.

Целью нашей стали известные кунгурские ледяные пещеры в паре километров от вокзала, оттуда мы хотели, собрав солнцецвет, пойти в центр города. То, что пещеры известные, стало ясно при опросе подбрасывавших нас людей, дополнительно же подогревало наш интерес то, что при всём при этом никто из респондентов сам в тех пещерах не бывал. Однако, несмотря на весь этот интерес, при виде обустроенного по высшему разряду входа (не такое уж неожиданное зрелище, смею заметить) Полина уже была готова поворотить коней куда подальше. Я на тот момент только-только осознал, что лёд в пещере будет настоящий, и так просто расстаться с рекреационным объектом не мог. Пришлось Полине взять два билета на 18:00 (кажется, это уже была последняя экскурсия в тот день), а в оставшийся час совершенно случайно мы выполнили план по

солнцецвету (теперь уже монетолистному), найдя его среди тропинок над входом в пещеру.

В пещере должно было быть холодно, поэтому мне, ничего тёплого из рюкзака не прихватившему, пришлось воспользоваться услугами сообразительных дельцов и взять куртку в аренду. Мужик, эти самые куртки выдававший, прознав, что мы ботаники, сразу стал очень усиленно отводить меня от Полины, чтобы рассказать про одно «очень мужское» растение. Видимо, я выглядел очень несчастным, уж не знаю, что иначе его на это подвигло.

Рассказывал экскурсовод довольно интересно (когда я его слышал сквозь толпу фотографирующих и фотографирующихся), но отдельные его реплики заслуживали особого внимания с нашей с Полиной стороны. «Дамскими Слёзками» вслед за скользкими ступеньками в пещере мы решили назвать наш путь к лагерю на Агуре в Сочинском нацпарке, куда мы весною ездим с восьмиклассниками, а наше фирменное словосочетание «зэковские приколы» заменить на «пещерные шуточки». Мартовской практике в целом, на мой взгляд, подходит название «Пещерная («в нравственном плане, конечно» – добавляет Полина) Венеция». Были у экскурсовода и ещё всякие *un mots*, например, про вечный дождь, создающий «лёгкое ощущение».

От экскурсии в целом осталось приятное впечатление. Вечные льды, образующиеся за счёт аккумулирующих холод камней и озёр – это, конечно, круто. Не зря сходили.

Панорамный вид на Кунгур с берега реки Сылва

Вдоль реки Сылва вниз по течению от пещер, оказывается, идёт нигде не отмеченная прекрасная сеть тропинок, которой мы и воспользовались,

добравшись таким образом до центра Кунгура и полюбовавшись по пути на панорамный вид города. Светлого времени нам как раз хватило, чтобы осмотреть исторический центр со старыми зданиями, а к 22:30 мы уже и до вокзала добрались, по пути рассматривая звёзды и обсуждая феномен красной луны. На месте я ввиду своей бесполезности для науки прикорнул на сиденьях (без поручней, ура!) и таким образом скоротал время до поезда, а потом и в поезде. Полина ввиду своей полезности для науки бдела над растениями.

Киров

22 августа

В поезде в моменты, близкие к пробуждению, смотрел во сне на часы по нескольку раз подряд, думая, что проснулся. Так или иначе, к Кирову, обступившему наш поезд к 11:00, я оказался бодрый и сытый на самом деле.

С места в карьер мы сели в автобус (предварительно хорошенько его поискав, он обретался не очень-то близко к вокзалу) и отправились в Малую Субботиху, которая представляет собой маленькую деревню с противоположного берега Вятки. Там мы ощутили свидетельство нашего перемещения на север в виде возросших количественно и качественно комаров. «Букет Шанцеру» в лесу у деревни мы набрали довольно быстро, и кубышка тоже не заставила себя долго ждать, попавшись нам в первой же мало-мальски приличной старице Вятки.

Набережная Грина: здесь начинается авторский экскурсионный маршрут «Хренятка»

Вернуться в город в кунгурском формате по лесам вдоль Вятки не получилось ввиду несовпадения в пространстве нас и подходящей дороги, так что мы снова сели в автобус, по пути к остановке оценив местные яблоки и облепиху.

Сошли после Старого моста (проехав ту самую Дымковскую слободу, где делают игрушки), пошли по набережной Грина. Выяснилось, что туристические маршруты по Вятке разнообразны и чётко разграничены (по крайней мере на бумаге) по категориям. Поначалу мы двигались по пути «Вятка романтическая», однако впоследствии всевозможные петляния и заходы в магазины-скверы-церкви превратили наш путь в авторский маршрут «Хренятка».

В наибольшей степени в Кирове взгляд радовали церкви. Две из них оказались наделены яркой индивидуальностью – «добрая» (Свято-Серафимовский собор) и «злая» (Успенский собор). Первой, конечно, над нами мрачно нависла своими чёрными главами злая церковь, затем появилась потребность найти и добрую.

В гипергликемической Коми

23 августа

Я опустил во вчерашней записи момент посадки в поезд, потому что ничего заслуживающего внимания он не содержал. Но знайте: проснулся я в поезде, едущем по республике Коми, с тем, чтобы выйти в Сосногорске, хотя билет у нас до Ухты (это на остановку раньше). Дело, конечно, не в том, что мы Бонни и Клайд, просто Полина уже задним числом осознала преимущества выхода в Сосногорске. Ну, вот и решили зайцами остановочку проехать.

Дочитал в пути своего Шукшина, взялся за книги, которыми Полина запаслась в Кунгуре, взяв их из шкафа буккроссинга на вокзале (с тех пор она то и дело выражала восхищение этим общественным движением). Дети, ехавшие напротив нас (да ещё и с собакой), совершенно не досаждали, хотя для них это был уже третий день в поезде – они ехали в Воркуту с отдыха в Новороссийске. Удивительно и замечательно.

С проводником неприятная беседа всё-таки состоялась. Я старался запомнить каждое слово, каждую деталь Полининой мимики (насколько это доступно при взгляде со спины), ведь нас в итоге и отпустили восвояси, и билеты вернули, для отчётности нужные, хоть поначалу проводник и захотел придержать их у себя. В целом, как мне казалось, Полина вела себя довольно естественно, хотя она потом что-то говорила про баланс смирения и строптивости и прочую лабуду. Не попробуешь – не поймёшь, в общем.

Дальше, заливаемые лучами закатного солнца (приехали мы ближе к вечеру, а на дорогу-то нашу лучше засветло попасть, чтобы машины ловить), столкнулись со следующим препятствием: моста через устье реки Ухты не было. Перекат выглядел довольно сомнительно, мы пару раз совались в него в болотниках и уходили. Не ободряли нас и советы проезжавших мимо товарищей дойти до моста. Но рыбак, стоявший в реке неподалёку, сказал, что река здесь легко проходится вброд в болотниках, и вот это известие нас окрылило, и мы, уже ничего не боясь (вот она, сила слова!), в момент перебрели Ухту.

На искомой дороге, оказавшейся довольно непредставительной, машин не было. Можно было, конечно, отправиться по ней пешком, надеясь на попутки, но

всё-таки по 80 км туда и обратно – это, мягко скажем, не комильфо, да и сильно далеко она, похоже, всё-таки не шла. Так что Полина созвонилась с одним товарищем, организующим в этих краях туризм, на неких «трэколах» (что это за зверь такой?) довозя людей до своей базы отдыха в тайге, и тот, подумав пару часов, согласился за кругленькую сумму устроить нам все перевозки. Даже до солнцецвета вроде бы взялся довезти, но всё-таки мне не верится, что он проедет по тайге, пусть даже на этом своём «трэколе». Но это послезавтра, а пока мы встали на Ижме, завтрашний же день решили отвести под прогулку вдоль реки.

Сделка наша состоялась успешно, конечно же, благодаря четырёхлисточковому клеверу, который я нашёл сразу после переправы через Ухту (долго он, вообще-то, раскочегаривался). А вечером мы видели ещё один добрый знак, да какой – северное сияние. Причём не совсем обычное: оно было в самом зените и оттого выглядело очень подвижным. Мы видели, как оно переливается, изгибается, течёт, словно река. И быстро! На это можно было смотреть бесконечно, такая картина захватывает гораздо больше, чем хрестоматийное сияние в виде более-менее статичной цветной стены. Бесконечно смотреть на сияние помешало лишь то, что нам надо было лечь пораньше – тут ещё восточней Кирова, а время-то московское.

Ряд удивительных природных явлений дополнила ещё вечерняя заря, появившаяся почему-то на востоке, но не на остальных сторонах света. Может быть, я стрелки компаса перепутал.

24 августа

В рамках осмотра окрестностей, а также населяющих их растений, пошли на север вдоль Ижмы, имея целью озерки недалеко от пресловутой дороги, по которой мы хотели сначала добираться до Белой Кедвы. В этом регионе старость генштабовской карты чувствуется особенно явно: везде свежевыстроенные нефтепроводы, гудит техника. Но у самого берега вполне себе тихо, идём параллельно нашей дороге.

Звонок мужикам, собравшимся нас везти, уточнил место встречи и время возвращения – вечер воскресенья. Это значит, что в Москве мы будем ночью-утром 30-ого. Вот хохма будет прийти на вручение студбилета в тельняшке и тапирских штанах! Вот бы всё устроилось именно так.

Полина, зайдя в первое же озерко, обнаружила там *Nuphar pumila* в стиле антропологической находки – по одному-единственному оторванному рыльцевому диску. Диск стал героем заслуженной фотосессии.

Тут, как и в Башкирии, было очень сухо, однако местами-временами встречались вполне кондиционные подосиновики. Несколько раз я начинал и бросал их собирать, однако в последний раз решил идти до конца, и к ужину у нас был мешочек крепеньких ароматных грибочков (вопреки всем Полининым предостережениям о бесполезности этой затеи).

Я по неопытности не знаю, как надо вести себя в лесу с медведями (а тут они, конечно, есть, следов полно), а Полина их боится, так что я просто повторяю за ней: звеню миской, вслушиваюсь в хруст веточек в лесу. Неуютно так ходить,

конечно, когда боишься встречи с медведем в любой момент. Надо с отцом этот вопрос обсудить, может, Полина неправа.

На ужин приготовил первосортное «хрючево», с чечевицей, грибами, тушёнкой и луком. С майонезом – просто объедение!

Полина говорит, что лес тут «без изюминки». По-моему, просто слегка тоскливо из-за медведей, погоды, ещё каких-то мелочей. Может, это просто лесной дух нас не принял. Вон, в Черустях лес что, с изюминкой? А хорошо!..

25 августа

Несмотря на прогнозы Полины, мы за эту ночь не поседели (вернее, я, Полина-то и так седая). Мне лично спалось совершенно спокойно, ей-то, конечно, вряд ли. Ещё сон наш продлил на полчаса дождь, сошедший на нет только через какое-то время после подъёма. Стало промозгло, но с рюкзаками идти в самый раз. Не в самый раз, правда, был для нас путь по широченной дороге с ЛЭП и нефтепроводом, на которую нас забросило волею судьбы. Вбок уйти страшно (непременно упрёшься в какую-нибудь колючую проволоку), а прямо она шла не туда, куда надо, а на юго-запад (в Микунь, как мы выяснили потом в краеведческом музее). Кажется, хорошо, что мы не встали в истоках Чивью, как хотели – к ним эта ЛЭПина намного ближе, чем к месту нашей ночёвки.

Не устаю удивляться особенностям течения времени в поездках с постоянной сменой лагеря (подобных этой). Нуралей там и прочей Башкирии не было, это уж точно (это всё воспринимается как сон), но даже места из недавнего прошлого вроде Кунгура и Кирова кажутся чем-то далёким и ненастоящим. Действительно существует только настоящий момент плюс-минус день (вчера и завтра просто сильно связаны с настоящим моментом, потому и осознаются чётко).

В какой-то момент я заметил едущую в нашу сторону по ЛЭПу машину. Поторопился со своим зрением с выводами о возможности её застопить, перепутав бензовоз с «жигулями» (просто машина была сильно дальше, чем я думал). Зрение тут же подвело меня и во второй раз: когда этот бензовоз завернул в лес, чтобы там встать в тупик, мне показалось, что он поехал ровнее и добавил газу (дескать, там асфальт). Полина, когда снова обрела способность связно говорить после хохота, решила, что «бензовоз тормозит» на тапирьем будет «жигули газуют». Мы долго ещё веселились.

Наконец, не доходя до долины Чивью, мы нашли весьма наезженный сворот налево (то есть на юго-восток), и он по различного рода мокрым осенним пейзажам привёл нас в Ухту. До 17:00 было ещё ого-го сколько времени, и мы успели съездить на вокзал, купить там билеты и пообедать, заехать посмотреть краеведческий музей и только потом отправились в Сангородок (он же Шудаяг) к нашим новым товарищам. Пообедать, между прочим, было не так-то просто: вблизи вокзала продуктовых магазинов не было. Но мы никуда не торопились, я пустил своего внутреннего школьника в дальнюю разведку и в километре от станции на промзоне нашёл здоровый оптовый магазин и затарился там. Помог

найти магазин, конечно же, пяти(!)листочковый клевер, который я обнаружил по пути на обочине.

В склад и гараж с нашими ТРЭКОЛами (вон как они, оказывается, называются; это такие «козлы» с огроменными, в 1,3 м, колесищами) мы попали ещё до прихода Олега, вместе с охранником. Там осмотрелись: много инструментов, станки, моторы, лодка… Одиноко розовеет чистенькая детская коляска. Я уж думал, тут нас на диванчике и положат (и мы тогда, конечно, уйдём с палаткой на речку), но подошедший Олег (здоровый такой оказался, есть, наверно, и 2 метра, и 100 кг) поселил нас в шикарной комнате и указал на люксовую «кормокухню» с барной стойкой и прочими атрибутами развлечения «круглых красных пузырьков». Утварь и плита там тоже всё-таки нашлись. Полинины специи превратили чечевицу с кониной в прекрасное варево (ей почему-то не хотелось называть это хрючевом), и я на радостях накрыл стол если не как полагается, то уж по крайней мере по-людски, с салфетками, хлебом в тарелке и т.д. Чаепитие, правда, Полина всё равно назвала бомжовским. Видимо, картину портил электрический чайник. Но в целом недешёвому антуражу в стиле кантри хотелось соответствовать.

Наш транспорт: ТРЭКОЛ («козел» с огроменными колесищами)

26 августа

В 6:00 проснулись, в семь, как штыки (с высушенной палаткой!), загрузились в ТРЭКОЛ. Однако до отправления кантовались на улице возле машины ещё полчаса – Олег опаздывал (вернее, это мы рано пришли, решает-то тут всё он). Наконец путём сложных перемешиваний и приездов-уездов машин разного толка

сформировался экипаж ТРЭКОЛа (в него, помимо нас и Олега, вошёл-втиснулся, видимо, его друг, обладатель двустволки и внушительного пуза, а ещё сухонький товарищ в камуфляже, охранник базы отдыха, заступающий на смену).

Поначалу езда на больших мягких колёсах (шины сверхнизкого давления!) меня впечатлила – ямки на асфальте вообще не замечаешь. Правда, замечаешь, что автомобильная полоса машине узковата. Это ладно, «при нашем весе это не наши проблемы». Но при съезде с дороги выясняется, что обычная колея тоже не подходит: где «буханка» проезжает спокойно, нас потряхивает. Зато глубоченные лужи (а дорога, по которой мы поехали, та самая, в атласе нарисованная, ими изобиловала) стабильно проходили на раз-два. И даже в этой качке (а поначалу с непривычки мотало из стороны в сторону изрядно) я умудрился заснуть, просыпаясь ровно для того, чтобы не спрямить обводы черепа о стенки машины. Полина, правда, сказала после поездки, что её-то я во сне задолбал в обоих смыслах. Видимо, она очень мягкая, потому что я ничего такого не чувствовал.

Наша дорога, изобилующая лужами

На полпути стали свидетелями не самого приятного зрелища: наши товарищи, увидев на дороге не улетавшего глухаря (он с любопытством разглядывал наш транспорт, никогда раньше, видать, с людьми в такой упаковке не встречался), просто зарядили ружьё и прямо из машины (!) его застрелили. Полина потом сказала, что она тоже подобную охоту наблюдала первый раз в жизни. Вот она, охота городских *ad absurdum*: ведь и еды-то в машине полно было! Я почувствовал себя гостем на охоте крупного помещика-самодура.

Наконец на исходе шестого часа пути мы достигли базы отдыха «Белый Эшмес» – ухоженной, с домиками и вертолётной площадкой из брёвен (роскошь, очевидно, ни зачем не нужная – поляна-то и так ровная). В полном соответствии с картиной визита к помещику нам навстречу выскочил бородатый охранник, которому Олег тут же велел ощипать добытую птицу. А на базе у них, оказывается, целое хозяйство заведено – корова, козы, конь… Мы с этой самой базы, правда, тут же сбежали (нам, как мы из машины вылезли, тут же стали объяснять, как пройти к кордону на Белой Кедве для ночлега, и мы восприняли

это как тонкий намёк; впрочем, задерживаться на базе мы всё равно не собирались). Возможно, ретировались мы чересчур поспешно (с плиткой и чайником обед бы быстрее сварганили), но Полину было не остановить. Её можно было понять, ведь кордон далеко, а прийти туда лучше бы засветло. Ну, мы поели в лесу недалеко от базы и пошли.

Олег произвёл во время своих объяснений впечатление человека, местность вокруг знающего, однако его советами по выходу к дороге мы воспользоваться не смогли, может, правда, потому что недостаточно точно им следовали. Так или иначе, понарезав кругалей, на дорогу, идущую на северо-запад, к Белой Кедве, вышли и отправились по ней. Мы окрестили её Дорогой Лосиного Страха, потому что на 50% она была вымощена лосиным страхом и ещё на 50% – его причиной. Я, естественно, колотил в миску как очумелый. Потом, после болот, подобное мощение кончилось, и осталась только милая ровная сухая дорожка, идущая вперёд и вверх, словом, к светлому будущему, без медведей и с ягодами.

Уже на самом-самом подходе к точке, показанной Олегом (а дело было уже к семи, потихоньку темнело), дорога раздваивалась. Пошли на разведку без рюкзаков направо и вышли на альтернативную базу отдыха (видимо, принадлежащую конкурирующей фирме), тоже с домиками и вертолётной площадкой (там она была вдобавок снабжена посадочными огнями). Охранник, чередуя объяснения с безуспешными попытками приструнить свою не в меру общительную («дурную» по Полининой классификации) собаку Дымку, обрисовал нам положение искомого кордона, он, мол, по другому отвилку дороги через полкилометра стоит. Ну, мы пошли, идём в ту сторону 500 метров, 1000, 2000… Нету ничего у дороги, и всё. Стали возвращаться к нашему консультанту, по пути вяло (пока мы так гуляли, стемнело, а в темноте видно не шибко) осматривая закоулки. Я показал на один особо жирный, но Полина сказала, что он совсем не в той стороне. Не иначе как происками местного лесного духа (мы с ним, похоже, не в ладах, судя по предыдущим ночам в лесу, да оно и понятно: колотим везде почём зря в миску, шумим) можно объяснить то, что охранник подтвердил, что как раз за тем поворотом кордон и стоит, буквально метрах в двадцати. На этот раз он уже напоил нас чаем, снабдил меня батарейками для в очередной раз разрядившегося фонарика. Я чуть было ложку его не унёс, свою в рюкзаке потеряв.

Теперь мы уже знали, куда идти, однако Полинин скепсис, похоже, развеялся только чаем и грибами, приготовленными у дома (внушительной такой конструкции, человек 10 бы там спали совершенно свободно). К дому ещё прилагался кристальный ручей, который предстояло исследовать на следующий день.

27 августа

В 8 утра вышли в лес, а в 10 искомый солнцецвет уже был у нас. Фотоаппарат без объявления войны разрядился, и групповая фотография не состоялась (хорошо, что на растения его хватило). А ещё прекрасный вид на

пёстрый осенний лес и действительно белую Белую Кедву (вода там прозрачная, а дно известняками выложено) с солнцецветного обрыва близ устья ручья Изъёль останется только в наших головах. В попытке разогреть аккумулятор я истратил последнюю спичку (из тех, что в вещмешке были), и от этого Полина негодовала ещё сильнее. Но добро (солнцецвет и вид на Белую Кедву), видимо, пересилили в её голове зло (мои выходки), и скоро она обо всём забыла и сменила гнев на милость.

Вымощенная известняками Белая Кедва

Пестрый осенний лес по берегам Белой Кедвы (кое-что заснять удалось)

Озеро к восток-северо-востоку от солнцецвета отсутствовало, на мы и из сфагновой лужи сварганили прекрасный обед, потому что до стариц Кедвы на востоке, нашей следующей цели, было ещё далеко. После обеда я начал собирать грибы, имея в голове идею грибной поджарочки, и одних только крепеньких подосиновиков довольно быстро набралось больше канчика. Мы внезапно наткнулись на избу Олега Золотова, причём с хозяином и его товарищем (тем, что с нами на ТРЭКОЛе ехал). Об этой избе сам Олег нам не говорил, а рассказал охранник альтернативной базы отдыха Сергей. Полина говорит, Олег приобрёл здесь более человеческий облик (внутренне, конечно), я никакой перемены не заметил. Он напоил нас чаем, рассказал про то, как до стариц дойти. Полинино бормотание насчёт лексического строя Олег разобрал и в ответ довольно гоготнул: «Ага, мы только матом разговариваем!» Мы с Полиной так и не решили, про кого из этих двоих Сергей говорил, что он охотовед, про Олега или его товарища; ни тот, ни другой не похожи особо. Однако местность Олег, похоже, действительно неплохо знает, чем вполне заслуживает описания из книги «Жаб Жабыч Сковородкин»: «Несмотря на свою толстоту, этот мальчик был достаточно разумен».

В старицах чуть-чуть пособирали – и двинули домой, ибо уже пора было. Увидев заплесневелые сковородки, Полина мою поджарочку (даже ещё не приготовленную!) есть отказалась и забодяжила хрючево, но тонна грибов смотрела на меня умоляюще, и я для пробы оттёр одну сковородочку и горстку грибов зажарил с приправами из избы. Полина говорит, переперчил, я думаю, что пересолил, но вышло в целом вполне сносно.

28 августа

Пора выбираться отсюда. Судя по тому, что эти товарищи прошли 15 км от базы до избы на старице за 7 часов, быть на базе нам нужно часам к четырём, поэтому по пути осматриваем группу озерков к западу от нашей идущей по просеке дороги. За время, прошедшее с выпуска карты, эти озёра, очевидно, кто-то спустил (может, они из своих карстовых воронок в пещеры перетекли), ну или лесной дух даёт нам понять, что сезон уже кончился и нам пора. Отличный кадр пропал из-за разрядившегося фотоаппарата: Полина сидит (очевидно, понуро) на мокрой траве и смотрит в воронку, оставшуюся от озера.

О завершении сезона и окончательном установлении осени свидетельствует и погода: берёзы и осины теперь не только жёлтые, но и мокрые, качаются на ветру. Похолодало.

Пока шли, Полина увидела прямо на дороге *Botrychium multifidum*. Это круто, но как выяснилось позже, в тех краях он нередок.

После неудачного опыта с озерками на очередные белокедвинские старицы не пошли и к 15:30 были в лагере. Хозяева, конечно, ещё не пришли, так что Полина занималась гербарием (охранник так затопил нам печку, что газеты не то что моментально сушились, а просто едва не вспыхивали), а я готовил еду. Сначала мы пообедали второй раз (первый был на «озёрах», тамошняя лужа выглядела слишком соблазнительно) – супом из основы для борща и пшёнки

(вообще-то наша еда к тому времени почти закончилась). Потом на базу пришли охранники и принесли свежевыловленного хариуса, и мне на попечение досталось 12 рыбок. Его так здорово чистить оказалось – проще, чем мандарин! И мясо вкуснющее – нечего и говорить, что вся рыба исчезла моментально.

Там уже и Олег с Максимом пришли, но они явно никуда не собирались, так что плакали наши завтрашние билеты на 5 утра. Зато к их приходу охранник натопил баньку, и я имел возможность попариться, добить, наконец, заразу из башкирского поезда.

В романе, взятом Полиной на кунгурском вокзале, описывались «сингапурчики» – существа, видевшиеся в горячечном бреду одному алкашу. Полина всё не могла запомнить слово и называла их «никодимчиками». Мы в конце концов решили, что это слово тоже заслуживает право на жизнь, и называть так нужно молчаливых коренастых трудяг вроде охранников базы на Белом Эшмесе. Полина всё рекламировала мне их быт: никуда, мол, далеко ходить не надо, собираешь грибы, ловишь рыбу, печёшь хлеб (когда я вернулся из бани, на столе меня ждала горячая булка), за хозяйством следишь. Звучит, конечно, неплохо, но мне кажется, что это «неплохо» продлится не дольше одной смены, дальше со скуки на стенку лезть начнёшь. И, что важнее, – нету великого смысла у такого существования. Так что пока такая работа меня не очень манит.

29 августа

Олег сказал, что выезжать будем в два, так что Полина, конечно, решила даром время не терять и с утра пораньше пойти посмотреть те старицы, визитом к которым мы давеча пренебрегли. В этот раз путеводные рекомендации Олега она не приняла и не отвергла, а творчески обработала, и в итоге мы быстро вышли на прекрасную дорогу. Полина укрепилась во мнении, что он неспроста всё так путано объясняет, а хочет каким-то образом нас испытать.

В пику вчерашним «спущенным» озёрам, старицы оказались богатыми на находки: два разных рдеста, ежеголовники, наконец-то *Utricularia intermedia*. Места эти мы окрестили «чёрными заводями Белой Кедвы». Групповую фотографию всё-таки сделали, благо, будучи вчера вечером на базе, я зарядил фотоаппарат. Он и для растений пригодился. На обратном пути оставалось около получаса свободного времени, и его Полина, исполняя свой давний посул, отвела на сбор брусники. Поначалу места были не очень подходящие, но мы всё равно минут через 5-10 с изумлением обнаружили, что идём по дороге не в ту сторону. Но зато когда мы пришли в светлый сосняк на бугорочке, где брусника была просто первосортная, я совсем потерял голову. Набрали мы внушительных размеров пакет, однако ценой такой добычи стала моя «ложка-аполлошка». Ну ничего, она окупилась, думаю, даже просто по материальной стоимости. А у брусники с Белой Кедвы ещё и нематериальная ценность имеется (с Белой Кедвы ведь!), а ещё больше ценность возрастет, когда я с этой брусникой пирожков напеку. К 1 сентября, думаю, не управлюсь, но постараюсь поскорее. Собираюсь нести их в школу, но Полине не говорю – пусть это будет сюрприз.

Групповая фотография на фоне черных стариц Белой Кедвы

Как вернулись (в 13:30, всё как полагается), выяснилось, что все уже готовы уезжать, Олег лежит в постели (почему-то) и ждёт, когда мы соберёмся. Однако эта готовность была эфемерной: Когда мы съели наш «Роллтон по-гномски» из замоченного с утра гороха с перцем и собрались, то выяснилось, что на одном колесе потерялся колпачок на ниппеле, и никодимчики всюду бегали и этот самый колпачок искали. Как ничто иное напоминала мне вся эта беготня отъезд из имения барина времён какого-нибудь Пушкина, и типажи никодимчиков были тоже узнаваемы: весёлый бородатый дагестанец-охотник, старый сухой спокойный сторож и молодой ушастый никодимчик, выполнявший, пока старшие разбирались с колпачком (то есть ходили и матерились), мелкую подсобную работу.

Тронулись в итоге в 15:00, однако этого времени нам как раз хватило, чтобы засветло проехать самый трудный участок пути. Удивительна, конечно, способность Олега так спокойно вести машину все пять часов почти без остановок по этой совершенно раздолбанной дороге. На улице холод (ветер, дувший весь день, всё-таки раздул и без того не слишком густые тучи, и ночь была ясной, в общем, всё как и вчера), а в машине тепло, так что уснула даже Полина.

Как только выехали на асфальтовую дорогу, выяснилось, что не работают фары. Так Максим заглянул под капот, пошурудил в проводках под приборной панелью, пристроил туда какой-то проводок из запасов Олега – и всё заработало! Меня такие вещи приводят в полный восторг. Пока они всё это делали, я сбегал проведать мой носовой платок, обронённый в этом месте неделю назад, но в темноте его не нашёл. Ну и ладно, он был уже довольно дряхлый.

В Ухте всё прошло как по маслу: в магазин «Печора» попали за 10 минут до закрытия, потом на такси за 150 рублей доехали до вокзала, и до часа ночи

(удалось купить билеты на часовой поезд, чтобы быть в Москве рано утром 31-ого) я сладко ел и спал.

30 августа

За окном поезда уже осень-осень – целый день дождит, холодно, только к вечеру в районе Вологды мы нагнали уходящее лето. Но на остановках осенью выходить ещё приятнее – помёрзнешь-помёрзнешь, а потом в вагоне так хорошо!

Как всегда в поездах, ем и сплю, сплю и ем. Если б меня да по Транссибу пустить, так во Владивостоке я бы, наверное, из вагона вылезти не смог, так бы раздулся.

Налаживаю первые связи с Москвой: Бибу прошу попробовать забрать мой студбилет, Булку снарядил за фотографиями для стенгазеты, Ваньке просто сообщил дату приезда, а то достал забивать мой телефон пропущенными звонками.

В Коношах тётка объявляла о прибывающих и уходящих поездах вроде бы и серьёзным голосом, но так, что создавалось впечатление, будто кто-то там стоит и её щекочет. Один раз у неё даже будто бы вырвался смешок, но он был быстро подавлен. А может, мне и показалось.